

Шарлотта Гейнсбур — девушка с характером

— В "Полене" вы впервые играете персонажа русско-еврейского происхождения — как вы сами.

— Меня это очень заинтересовало, хотя мне трудно сказать что-либо более конкретное. Даже странно, что происхождение героини вызвало во мне такой сильный резонанс, потому что меня не особенно сильно волновал вопрос о моей национальности. Наверное, отец и бабушка смогли вложить в меня что-то. Когда мне было 12 лет... (пауза). Вообще-то я думаю, что давно хотела понять свои корни. Никто никогда не принуждал меня к чему-либо. После смерти бабушки, когда я была подростком, у меня был период увлечения религией и мистикой, чего ранее в нашей семье не наблюдалось. Я даже тайком ходила по пятницам в синагогу.

— После "Полены" все заговорили о вас как о зрелой актрисе.

— Я этого не ожидала. Это очень приятно, но мне хотелось воскликнуть: "Черт возьми, почему вы меня раньше не замечали!" Конечно, я преувеличиваю, но до последнего времени люди просто не видели, что я выросла, я больше не подросток. Возможно, некоторые до сих пор уверены, что я учусь в лицее!

— А вы сами, посмотрев "Полену", заметили, что повзрослели?

— Нет. Я заметила, что стала более раскованной. Более спокойной. Я теперь не стыжусь смотреть на себя на экране.

— Что больше всего тронуло вас в персонаже Миллы?

— Ее плохой характер! Я люблю людей с плохим характером, они меня забавляют. Милла — роль для Жан-Пьера Бакри. Она понравилась мне еще и потому, что таких персонажей редко делают женщинами. Это так здорово — не пытаться обольщать, не делать никаких усилий, чтобы понравиться.

— А вы сами часто переживаете приступы плохого настроения?

— Бывает. Милла понравилась мне тем, что за ее агрессивией скрывается уязвимость и хрупкость. В ее эмоциональной жизни было столько фиаско, и она считает агрессию своей единственной защитой.

— "Полено" — первый фильм Даниэль Томпсон в качестве режиссера. Какой у нее главный козырь?

— Ее чувствительность. Ее внимание. Она очень внимательна к актерам. Когда я смотрела готовый фильм, была поражена тем, насколько близки ей темы, которые она поднимает в своем фильме: семья, родственные связи, любовь-ненависть. Даниэль можно полностью довериться.

— Вы когда-нибудь чувствовали себя несчастной на съемках?

— Иногда я принимаю что-то слишком близко к сердцу, попадаю в болезненные ситуации. Но в театре

Удостоенная премии "Сезар" за лучшую женскую роль второго плана в фильме "Полено" 28-летняя Шарлотта Гейнсбур уже 15 лет снимается в кино, но только в прошлом году впервые заявила о себе, как о настоящей актрисе. Дочь певца и композитора Сержа Гейнсбура и актрисы Джейн Биркин, подруга жизни актера Ивана Атталя, она долгие годы играла робких барышень, пока сценаристка и режиссер Даниэль Томпсон не рискнула доверить ей роль "девушки с характером" в своем режиссерском дебюте, фильме "Полено".

мне было гораздо труднее. Когда я играла в "Олеанне", мне было очень тяжело — мрачная история, трудная роль, все это длилось пять месяцев, мне казалось — это не кончится никогда. Это было потрясающее испытание, но я вышла из него едва живая.

— Вам был отвратителен театр?

— В тот момент — да. Мне казалось, я никогда больше не выйду на сцену. Но сегодня я говорю себе, что охотно вернусь на подмостки — хотя, конечно, в более веселой роли. Я по натуре лентяйка — мне больше нравится сниматься в кино. Там за тебя многое делают другие. И еще — в театре приходится быть очень скромной, ведь от твоей работы не остается никаких следов.

— А вам хочется оставить после себя что-то?

— Нет, меня мало волнует, что останется от меня после моей смерти. Наоборот, меня немного раздражает, что кино стало в некотором роде моим семейным альбомом. Я начала сниматься в 12 лет и мое взросление можно проследить из фильма в фильм.

— Три года вас не было на экранах в связи с рождением ребенка. Вы сильно скучали по кино?

— Да, сильно. Как только я решила, что могу вернуться, сразу же начала сниматься без перерывов. Сначала у Бруно Нюиттена в фильме "Страстно", потом играла с Жераром Ланвеном в "Анне Оз", потом снялась в "Непрошеном госте". Двида Бэйли с Настасьей Кински, потом — в "Полене". Я приехала на съемки к Даниэль смущенная, совершенно не готовилась к роли и не представляла, что у меня получится. Накануне первого съемочного дня мне стало страшно. Но съемки "Полены" оказались самыми приятными в моей жизни.

— Порой кажется, что для вас лицедейство — развлечение, а не необходимость.

— Отчасти — да. Это роскошь, а не средство для зарабатывания денег. У меня никогда не было проблем с деньгами. Но, как ни странно, это сослужило мне плохую службу: я всегда подолгу колебалась — сниматься мне или нет. А тем временем роли уходили к другим актрисам.

— За последние три года вы сменили трех актерских агентов.

— Да, я раньше была клиенткой Бернара де Лабби, его я очень люблю. Но он слишком сильно меня опекал. Я жаловалась, что со мной ничего не происходит, но ничего не делала для этого. Мне было слишком комфортно. Тогда я попробовала сотрудничать с Intertalent, но там мне не понравилось, и тогда я ушла к Доминику

Беснеару. Он очень любит актеров и вообще кино.

— Вы чувствуете свою принадлежность к какому-то актерскому поколению?

— Нет, и мне этого не хватает. Поскольку я никогда не училась в актерских школах, я не принадлежу ни к одной тусовке. Чаще всего снималась у режиссеров намного старше меня и поэтому невольно отдалилась от кинематографистов своего возраста.

— Чем сегодняшняя Шарлотта Гейнсбур отличается от той актрисы, которая 15 лет назад начала играть в кино?

— Раньше мне казалось: главное — угодить режиссеру. Сегодня я более эгоистична в своей работе. Но в целом во мне, как и во всех актерах, сражаются две половинки. С одной стороны — эксгибиционизм, с другой — интровертность. Хочется всем себя показать — но при этом спрятаться в шкуру персонажа.

— Вас удивляет, когда в прессе говорят о "таинственности Гейнсбур"?

— Думаю, дело в том, что раньше я почти ничего не говорила во время интервью. Я стеснялась. Сегодня свободнее себя чувствую, хотя порой ностальгирую по тем временам, когда могла по полчаса отвечать журналистам только "да", "нет" и "не знаю".

— В детстве вы любили кино?

— Из детских воспоминаний у меня почему-то остались только фильмы ужасов. Я до сих пор отчетливо помню, как в 4 года посмотрела "Челюсти". Мне до сих пор страшно об этом вспоминать! Мы смотрели "Сияние", "Дракулу", "Кэрри" — не знаю почему, но моим родителям очень нравились страшные фильмы.

— Ваша сестра Лу Дуайон страдала из-за того, что ее родители — знаменитости. Вам тоже было трудно?

— Не думаю, что я сильно страдала, я по натуре другой человек. Я стараюсь не замечать негативное. Это мой способ защиты от окружающего мира. Конечно, в школе дети меня поначалу донимали, но я не обращала внимания, и они отстали. По крайней мере, так мне это сегодня видится. Впрочем, моя другая сестра, Кейт Барри, говорит, что мои воспоминания — сплошная сказка, в то время как она помнит много грустных моментов.

— Вы охраняете свою частную жизнь от вмешательства прессы гораздо сильнее, чем это делали ваши родители.

— Мне с самого начала не понравилось, как обращалась со мной пресса. Конечно, я была ребенком, но не полной idiotкой. Я видела, как они перевирают мои слова, как они смотрят на меня свысока. Мои родители смотрели сквозь пальцы на все глупости, что о них писали, но то были люди другой эпохи. Тогда было принято легко относиться к жизни. Порой я жалею, что не могла повеселиться в молодости так, как это удалось им. Недавно я пересматривала старый фильм моей мамы — "Горчица в нос" — и он показался мне гениальным в своей глупости! Как это смешно! Какая мама была красивой!

— Какой из ее фильмов — ваш любимый?

— О, их много! (Пауза). Пожалуй, самый любимый — "Любишь — не лю-

бишь".

— Трудно ли добиваться чего-то отпрыску знаменитостей?

— Родители никогда не заставляли меня что-то делать и никогда ни от чего не отговаривали. Они всегда говорили: самое главное — получать от жизни удовольствие и пользоваться шансами, которые подкидывает судьба. Я сама решила пойти на пробы в фильм "Слова и музыка". Я видела — родители рады за меня, но мы никогда не вели серьезных бесед на эту тему. Они всегда были готовы посоветовать и защитить, но при этом никогда никого не осуждали.

— Сейчас, когда ваша сестра Лу Дуайон решила стать актрисой, вам не страшно за нее?

— Конечно, страшно. Но я не собираюсь ее отговаривать. Во-первых, у нее есть своя голова на плечах. Во-вторых, из нее может выйти хорошая актриса. Впрочем, я постучу по дереву.

— Что вы помните о съемках "Слов и музыки"?

— Кажется, я была неуклюжа. Помню, мне понравилось стоять перед камерой. Я поняла — мне приятно внимание других. Но мне и в голову не приходило, что я стану актрисой. После съемок я вернулась в швейцарский пансион и продолжала учиться, пока Клод Миллер не предложил мне сняться в "Дерзкой" два года спустя.

— Вы почувствовали в этот момент, что жизнь ваша может измениться?

— Нет — я была слишком мала и неопытна. Только Клод мог вычислить во мне актерский потенциал. Съемки были замечательные — огромные каникулы. Потом все решило, что в "Дерзкой" и "Маленькой воровке" я играла себя. Много лет я пыталась доказать — это не моя история и не моя жизнь.

— После фильмов "Спасибо, жизнь" и "В глазах мира" ваша карьера сильно застопорилась.

— Я не могла найти ни одного сценария, который мне бы понравился. Это было очень тяжелое время. Я чувствовала себя несчастной, но сегодня понимаю — сама была виновата. У меня не хватало мужества. Я была пессимисткой и пораженной.

— Как вы пережили неуспех фильмов "Анна Оз" и "С любовью, и так далее"?

— Актер не виноват в провале фильма, но он все равно берет вину на себя. Это обидно. Хочется, чтобы твои фильмы нравились.

— Сегодня у вас много новых кинопроектов?

— О, да! Сейчас я снимаюсь в телефильме "Отверженные", его ставит Жозе Дайан с участием Депардье, Малковича, Клавье. Потом буду играть в комедии. Это будет сумасшедший фильм, режиссер — Жак Кюкье, а мои партнеры — Фанни Ардан и Иван Аттал. Это уже наш четвертый совместный фильм!

— Когда-то давно вы говорили: единственная вещь, внушающая вам доверие, — это любовь. А сегодня?

— Любовь ведет нас вперед. Но есть еще и само желание идти — это тоже важно.

Мишель БАЙЕН

